ОБСТАНОВКА в особняке на берегу Лонг-Айленда была великолепной. От морских красот захватывало дух. Открытая планировка обеспечивала простор даже такому гиганту, как Кингпин.

И все же здесь он не чувствовал себя как дома.

Вдали от Адской Кухни, неизменно напоминавшей Уилсону Фиску о том, как высоко он взлетел, он чувствовал себя королем в изгнании. Вплоть до сегодняшнего дня. Нет, он не терял надежды ни на минуту, но сегодня – впервые с того дня, как они с Ванессой скрылись – полученные новости оказались хорошими. Настолько, что, несмотря на натянутые отношения, ему не терпелось поделиться ими с Ванессой.

Стоя перед длинным рядом окон, она отрешенно смотрела в морскую даль. Кингпин расхаживал взад-вперед за ее спиной, то и дело победно потрясая кулаками.

– Кое-каких деталей не хватает, некоторые известны только по слухам, но важнейшие факты кристально ясны. Сильвермэйн исчез, признан погибшим. Хваленого адвоката Маггии ждет суд. Наши враги уничтожили сами себя! Вероятно, нужно найти Уэсли. Не сомневаюсь, у него уже есть соображения насчет того, кто из наших оказался предателем.

Надеясь на ответ, он умолк. Ванесса слегка отодвинула застекленную раму, и платье ее затрепетало, подхваченное солоноватым бризом. Она выглядела царственно, как всегда. Королева. Его королева. Вот только – королева в скорби, в печали…

– Понимаешь, любовь моя? Мы можем возвращаться домой!

Но Ванесса молчала.

– Я понимаю, со мной было тяжело. Я дрался с призраками, мне снилось, что я заперт в тюрьме, а ты – в опасности. Ты видела, как я метался во сне, и знаешь, насколько я силен. Я просил тебя перебраться в другую спальню только ради твоей безопасности. Но теперь всему этому конец!

Ванесса распахнула окно шире. Соленый ветер хлестнул его в лицо. В воздухе повеяло дыханием далекой зимы.

– Дело не в этом, Уилсон. Совсем не в этом.

Фиск поморщился.

– Ты выручила меня там, на улице. Не бросила меня. Но твое сердце – где-то далеко. Неужто мы так и останемся между небом и землей? Вместе, но порознь? Я знаю, как тяжело восприняла ты смерть Ричарда. Теперь я понимаю, что мой глупый обман только усилил твою боль. Но пока ты отказываешься говорить об этом, рассказать об этом мне, боль не пройдет!

Набравшись храбрости, он протянул руку и коснулся плеча Ванессы. От этого ее плечи затряслись так неистово, что Фиск решил, будто она плачет.

Но нет – Ванесса смеялась!

– Ванесса, что с тобой? Может, таблетку принести?

Она молча оттолкнула его руку, но Фиск не сдавался:

– Расскажи, что с тобой! Лучше бы ты злилась, била меня… Что бы там ни было, не молчи! Пусть не мы оба, но хоть ты – избавься от того, что тебя мучает!

Ванесса покачала головой.

– Я все еще слишком люблю тебя, чтобы решиться на это, но и оберегать тебя от жестокой правды тоже больше не могу.

– От правды? От какой правды?

Тут постоянно державшийся настороже в ожидании возможных опасностей Фиск заметил странное движение на берегу. Песок на поверхности одной из дюн завибрировал, будто под порывом сильного ветра. Вибрация усилилась, и через несколько секунд, отключив маскировку, на берегу возник черный автомобиль.

Наружу вышел человек в плаще с низко опущенным капюшоном.

Кингпин окаменел.

– Кто это? Как он пробрался сюда мимо нашей охраны?

Рука Ванессы легла на его грудь, удерживая его на месте.

– Это я его пригласила. Тебе пора выслушать его.

Кингпин взглянул в лицо жены и вновь перевел взгляд на приближавшегося.

– Пригласила? Кого? Это тот самый предатель? Махинатор?

Надежды, все это время придававшие ему сил, разом рухнули.

– Ванесса, неужели ты предала меня? Все это время выжидала, чтобы собственной рукой вонзить мне нож в сердце? Тебе достаточно было попросить. Я с радостью умер бы ради тебя.

Ванесса погладила Фиска по щеке, как делала всегда, стараясь успокоить его.

– Нет, нет. Я не смогла бы предать тебя, любимый, что бы ты ни сделал. Ты сам предал себя.

– О чем ты? Что это значит?

Человек в плаще подошел к крыльцу. Еще несколько секунд – и он войдет. Ванесса шагнула вперед, чтобы встать между ними, но Фиск отстранил ее.

– Я не позволю ему войти в наш дом!

Без оглядки рванувшись вперед, он устремился к незваному гостю у порога. Его широкие плечи врезались в створки дверей и сорвали их с направляющих, но он и не заметил этого.

Снаружи гремел прибой. Кингпин повысил голос, чтобы его наверняка услышали:

– Нам нужно свести счеты.

– Верно, – кивнул Махинатор.

Без лишних слов Кингпин нанес удар. Махинатор согнулся пополам, и лицо его еще глубже

скрылось под капюшоном.

Ванесса завизжала.

– Твои мускулы – из тех, что накачивают в тренажерных залах, – прорычал Кингпин, – но ты явно не боец. Второго удара хватит, чтобы прикончить тебя. Но я не позволю тебе унести свои тайны в могилу.

С этими словами Фиск наотмашь хлестнул Махинатора по лицу, расцарапав камнем перстня его щеку.

– Говори! – потребовал он, рывком притянув врага к себе. – Откуда ты узнал обо мне так много?

– Я расскажу.

Фиск снова хлестнул его по щеке:

– Зачем ты бросил мне вызов?

– Я расскажу.

И снова:

– Что у тебя с моей женой?

– Уилсон! – крикнула Ванесса. – Выслушай же его!

– Я расскажу тебе обо всем. А потом можешь убить меня, если пожелаешь.

Кингпин толкнул Махинатора к стеклянной стене и придвинулся ближе, чтобы тот не сумел сбежать.

– Говори, да поживее!

Тяжело дыша, неизвестный еще ниже опустил голову.

– Возможно, некоторые сыновья опасаются, что им придется всю жизнь жить в тени влиятельных отцов, но я просто хотел быть как можно больше похожим на отца – пока не узнал, насколько кровава его тень. От отвращения и стыда я решил броситься вниз с самой высокой скалы, какую сумею найти. Однако попытка самоубийства закончилась ничем. Я даже уцелел под той самой лавиной.

Встряхнув Махинатора, Фиск ударил его спиной о стеклянную стену.

– Под лавиной? По-твоему, я дурак? Ты узнал о Ричарде из украденных у меня файлов!

– Нет. Будь ты всего лишь дураком, я бы не желал себе смерти. Так уж вышло: ужиться с самим собой я смог, только превратив свой стыд в неистовую ярость, подобие твоей собственной. И потому посвятил свою жизнь одной-единственной цели – уничтожить то, что раньше создавало мне комфорт. То есть твою проклятую кровавую тень. При твоей самоуверенности это оказалось несложно. Удивляет только одно – с каким трудом узнала меня родная мать, и как тебе трудно узнать собственного сына.

– Ложь! – Фиск снова хлестнул его по щеке. – Ты – просто один из прислужников Маггии,

недостойный даже произнести имя моего сына!

Махинатор упал. Но прежде, чем Фиск успел ударить его еще раз, Ванесса бросилась к нему, опустилась на колени и погладила разодранную щеку врага – точно так же, как совсем недавно гладила щеку мужа.

Бросив на Уилсона Фиска предостерегающий взгляд, она откинула капюшон. На искаженном гримасой бессильной злости лице Махинатора набухли кровоподтеки, в рыжих волосах запутались песчинки, но не узнать Ричарда Фиска при свете дня было невозможно.

– Это он, Уилсон, – сказала Ванесса. – Он пришел ко мне несколько дней назад. Я имела возможность убедиться. Пожалуй, мы оба виноваты друг перед другом в одном и том же. Ты не мог заставить себя сообщить мне, что он мертв, а я не могла заставить себя сообщить тебе, что он жив.

Не отрывая глаз от сына, Фиск рухнул в уличное кресло.

– Ты ненавидишь меня…

Ричард утер кровь с разбитой губы.

– Нет. Я люблю тебя, хоть и желаю всеми фибрами души, чтоб ты не был моим отцом.

– Ты ненавидишь меня, – повторил Фиск.

Он погрузился в молчание. Жуткое ощущение из ночных кошмаров захлестнуло его с головой. Тело вновь будто оказалось где-то далеко-далеко – но уже не во сне, а наяву.

Послышались голоса – голоса жены и сына:

– Он умер?

– Не двигается!

Их голоса звучали тревожно, испуганно. На какой-то миг Уилсону Фиску захотелось сделать с этим хоть что-нибудь. Но в следующий миг он обнаружил, что больше не чувствует необходимости оберегать их.

Он больше не чувствовал ничего.

– Ричард, вызывай врача!

Голоса тех, кого он любил, затихли. Вскоре затих даже неумолчный рокот прибоя.

* * *

СКВОЗЬ грязное стекло в спальню Питера Паркера заглядывало утреннее солнце. Листать «Бьюгл», лежа в постели, а не повиснув на мачте антенны, было непривычно. Но, честно говоря, приятно. И, хотя тот уголок его сердца, что занимала Гвен, не прекращал болеть, все прочие боли после хорошего отдыха исчезли, как по волшебству.

«Неужели совсем недавно „плохие парни“ всего-навсего отправлялись в тюрьму? Теперь же Кингпин – в какой-то жуткой коме, а Сильвермэйн… даже вспоминать об этом не хочу. Конечно, рано или поздно появится какой-нибудь новый противник. Однако пока что Коннорс с

семьей благополучно вернулся домой, крупнейшие в городе преступные организации потерпели крах, скрижаль – в каком-то суперсекретном полицейском хранилище, и борец с преступностью вроде меня вполне может снять костюм, задрать ноги и немного отдохнуть от тяжких трудов».

Но тут до спальни Питера донесся крепкий стук в наружную дверь.

«Или нет».

Он поднял голову и прислушался.

– Да, он у себя, – ответил Гарри. – Пит!

– Меня нет! – откликнулся Питер, не желая прерывать редкие минуты покоя. – Кто бы там ни был, я занят!

– Не настолько, чтобы не выслушать, что я тебе скажу.

Узнав этот голос, но от души надеясь, что ошибся, Питер отшвырнул газету, спрыгнул с кровати и добрался до гостиной как раз в тот момент, когда туда вошел Флэш Томпсон.

Разом нахлынувшее раздражение смутило самого Питера, но поделать с этим он не мог ничего.

– Тебе хватило совести показаться здесь?

– Вольно, Младший. Я просто хочу поговорить.

Томпсон даже головной убор держал в руках – наверняка в армии ему вдолбили, что таковы приличия. Жаль, держаться подальше от чужих девушек не научили.

Питер шагнул к нему.

– Поговорить? Говорить ты будешь только с моим кулаком!

«Вот на этот раз я его ударю. Не так сильно, чтобы отправить в больницу – просто чтобы запомнил».

– Пит, ладно тебе! – вмешался Гарри. – Остынь!

– Да пускай. Хоть в этот раз дохляк Паркер покажет характер.

Но Гарри снова попытался заслонить Флэша от Питера:

– Понимаешь, он просто хочет объяснить, что…

Но Питера уже было не остановить.

– Ну нет. На этот раз он словами не отделается.

С этими словами Питер отвел правую руку назад, а левой толкнул Флэша к стене и придержал, не давая увернуться. Остановился он лишь затем, чтобы объяснить причину:

– Я видел тебя с Гвен в тот вечер, когда она сказала, что занята и не может встретиться со мной. А насчет «показать характер» – сейчас покажу.

Флэш поднял руки:

– Послушай, книжный червь, хочешь подраться – пожалуйста, но дай сначала сказать. Я обещал одной блондинке сделать все, чтобы ты меня выслушал. Окей?

Судя по всему, Флэш не боялся драки, но и обычного нахальства в нем не чувствовалось. Не торопясь отпускать его, Питер сощурился:

– Ну, и что ты собрался говорить? Будешь просить меня отвалить в сторону?

Томпсон едва не рассмеялся.

– Нет! Ну и ну, ты же самый умный из всех, кого я знаю. Как ты можешь быть таким тупым? Она решила поговорить со мной только потому, что беспокоилась из-за тебя.

– Что?

– Ну да, – кивнул Флэш. – Меня это, конечно, в восторг не привело, но она думала, что я могу что-то знать о твоей нелюдимости и манере то и дело исчезать.

– Что?! – скривился Питер. – Она хотела поговорить с тобой обо мне?!

– Выходит, так.

Все еще сомневаясь, Питер слегка ослабил хватку.

– Почему не с кем-нибудь из моих друзей – хоть с Гарри или Эм-Джей? Или, раз уж на то пошло, вообще с кем-то посторонним?

– Вот и я спросил о том же. И Гвендолин сказала, что вся прочая банда знает тебя всего два года. А я с тобой еще в школе учился. Вот она и подумала, что я могу знать о тебе больше. Например – что раньше ты был не таким, а потом изменился. А что я мог сказать? Честно подтвердил, что ты всю жизнь таким и был – худосочным мрачным нердом.

Подняв руку, Флэш попытался отцепить пальцы Питера от форменного кителя, но это ему не удалось. Твердая, как сталь, рука не сдвинулась ни на дюйм, пока Питер не отвел ее сам. Изумленный Томпсон одернул мундир. В глазах его блеснуло невольное восхищение.

– Ну ладно, разве что стал не таким уж худосочным. Пусть так.

Мозг Питера вскипел, отчаянно пытаясь сопоставить только что услышанное с тем, что он видел.

– Так между вами ничего нет?

Флэш взглянул ему в глаза.

– Ты что, слов «только потому» не расслышал? Не буду врать, что никогда не пытался, но мы перешли во френдзону тыщу лет назад. Тебе нечего за нее волноваться. Если не считать того факта, что она, должно быть, чокнутая, раз так в тебя влюбилась.

Питер опустил взгляд, посмотрел по сторонам и снова взглянул на Флэша.

– Э-э… спасибо.

Томпсон неловко хлопнул его по плечу.

– Не за что. Только больше так не делай, окей?

Гарри с явным облегчением потер руки и отправился на кухню.

– Ну, вот все и уладилось. Может, кофейку?

Томпсон придвинул к столу кресло.

– Только не делай слишком крепкий. Этот книжный червь и без кофеина дерганый.

– Извините, ребята, мне нужно позвонить.

Флэш картинно закатил глаза.

– Да ты что?

Питер кинулся в свою комнату. Закрывая за собой дверь, он услышал слова Флэша:

– Эй, Озборн, а ты усы отпустил?

Гвен ответила после первого же гудка.

– Питер? Какой Питер?

– Гвенди, тут у меня Флэш. Я знаю, это ты его прислала.

– Нет-нет, вы ошиблись номером. Единственный Питер среди моих знакомых, похоже, удалил мой номер из списка контактов.

– Ладно, я это заслужил. Прошу прощения. Я чувствую себя полным идиотом. Когда я смогу увидеть тебя, чтобы извиниться лично?

Гвен замолчала, но ненадолго.

– Ну что ж, я всегда питала слабость к полным идиотам. Как насчет – прямо сейчас? Я – возле того, что осталось от Выставочного зала. Через полчаса начнется лекция, а до тех пор я вся твоя.

– Лечу!

Повесив трубку, Питер устремился к выходу. Гарри возился с кофеваркой, а Флэш сидел у стола, сцепив пальцы на коленях.

– Ты чего, даже кофе не выпьешь?

– Пусть идет, Гарри. Честно говоря, мне нравится, когда Паркер исчезает.

До ГУЭ было всего десять кварталов, но Питер, сгоравший от нетерпения, нырнул в ближайший переулок, переключился на Человека-Паука, домчался до университета и переключился обратно. Все это заняло меньше пяти минут. Перебежав площадь, он подошел к Выставочному залу, наполовину окруженному строительными лесами.

Двигаться со скоростью нормального человека было трудно – особенно когда он увидел Гвен,

стоявшую у колонны. Увидев его, она пошла ему навстречу сквозь поток спешивших на лекции студентов.

Оказавшись на пару ступеней ниже нее, Питер взял ее за руку, точно предлагая ей руку и сердце.

– Как ты добрался так быстро? – скорее радостно, чем удивленно спросила Гвен.

Покосившись на толпу студентов, он потянул ее в сторону.

– Давай отойдем куда-нибудь, где потише.

Благодаря лесам между колоннами было еще спокойнее, чем обычно. Взяв Гвен за руки, Питер целую минуту смотрел ей в глаза.

Казалось, Гвен вот-вот покраснеет, однако она не отводила глаз.

– Отчего ты так на меня смотришь?

– Наверное, наконец-то понял, как я скучаю, когда тебя нет рядом. А может, мне просто не до слов…

Первый поцелуй продолжался целую вечность. Второй – еще дольше. Что же до третьего и четвертого… что ж, в какой-то момент пришлось отпустить Гвен на лекцию.

– Зайти за тобой через час? Или ждать здесь, витая в облаках, пока лекция не кончится?

– Как хочешь, милый. Как хочешь. Лишь бы увидеть тебя, когда я выйду.

– Увидишь, клянусь! – Питер начертил пальцем крест против сердца. – Крест на грудь и чтоб я сдох!

– Вот этого не нужно, мистер Паркер. У меня на вас большие планы.

Подмигнув ему, Гвен направилась внутрь университета. Питер даже не смог бы сказать, как долго простоял, глядя на затворившуюся за ней дверь. Но это было неважно.

«Значит, у нас есть будущее? Кто бы мог подумать?»

Все тревоги в мире разом забылись.

«Наверное, расти и взрослеть не так уж плохо. Если учесть опыт Сильвермэйна – намного лучше, чем обратное».

http://tl.rulate.ru/book/25490/531841